

Чэнь Линлин опустила глаза:

— Мне нужно извиниться перед тобой. Я была не права. Несколько дней я отказывалась готовить, и сегодняшней ужин тоже приготовила не я. Его приготовила добрая соседка и принесла мне.

Говоря это, она покраснела, и её щёки стали похожи на большие яблоки.

Хань Чжицзюнь уже давно это заметил, ведь на фарфоровой миске с едой было написано крупными иероглифами «Маслозавод Чжигун».

Чэнь Линлин поспешно добавила:

— Но не волнуйся, я обязательно научусь готовить. Я поняла, что женщина просто обязана готовить для своего любимого. Ты целый день работаешь, а я сижу дома и ничего не делаю — это просто неправильно.

Чэнь Линлин не любила готовить. Она была из хорошей семьи и вышла замуж за обеспеченного человека, поэтому даже посуду мыла всего несколько раз. Сейчас она решила измениться, увидев Чэн Баоли. Их кухни разделяла только стена, а коридор был общим. Перед возвращением Хань Чжицзюня она слышала весёлые разговоры из соседней квартиры.

Чэнь Линлин, глядя на Чэн Баоли, словно увидела другую жизнь. Чэн Баоли была красивой и ухоженной, каждый день ходила на работу, покупала продукты, готовила и воспитывала ребёнка. Как же она могла быть такой спокойной и довольной, в то время как сама Чэнь Линлин чувствовала себя такой неудовлетворённой? Теперь её муж Хань Чжицзюнь больше не был богатым, и денег у них стало меньше. Разве она, как жена, не должна быть более заботливой и ответственной? Супруги должны делиться трудностями. В весёлых разговорах из соседней квартиры Чэнь Линлин вдруг осознала: сейчас настало время испытания для их семьи. Если они не справятся, то могут разойтись! Раньше, когда Хань Чжицзюнь был богат, он ни в чём её не ограничивал. Теперь, когда у него стало меньше денег, она по-прежнему осталась с ним. Она не была бессердечной и не хотела ею становиться.

К тому же она верила, что её муж через двадцать лет снова станет большим начальником!

На следующий день был понедельник, и Чэн Баоли с Чжэн Пином должны были идти на работу, причём оба на утреннюю смену, так что ребёнка оставить было не с кем. Раньше за Чжэн Хайяном присматривали его бабушка и дедушка, ведь дедушка уже вышел на пенсию с Маслозавода Чжигун. Но недавно они уехали в другой город.

Изначально Чэн Баоли планировала отвести ребёнка к своей матери, но после того, что произошло в воскресенье, она передумала. Она до сих пор слышала в голове тот отвратительный тон, которым говорила её мать.

Чжэн Пин уже ушёл на работу, а Чэн Баоли, помыв посуду, размышляла, не оставить ли ребёнка в проходной на заводе на день, как вдруг в коридоре появилась её сестра Чэн Баоя.

— Тётя! — крикнул Чжэн Хайян и при этом незаметно покрутил глазами.

Эта тётя действительно была навязчивой, и её визит ранним утром явно не сулил ничего хорошего.

— Сестра, — Чэн Баоли взглянула на Чэн Баоя и продолжила мыть палочки для еды.

Чэн Баоя, одетая в рабочую форму с белыми нарукавниками, вошла и спросила:

— Обед готов?

Обе сестры работали на шелкопрядильной фабрике, где дела шли не очень хорошо. Раньше на обед подавали горячую еду, но теперь сотрудники должны были приносить её с собой. Чэн Баоли обычно брала два алюминиевых контейнера с крышками, на которых было написано её имя. В одном был рис, в другом — немного овощей. В обед она разогревала их в паровой печи. Так поступали почти все работники фабрики.

— Ага, — Чэн Баоли лишь крякнула и больше не сказала ни слова.

Чэн Баоя, словно ничего не произошло, вошла, даже не упомянув вчерашний инцидент. Она вела себя так, будто полностью забыла, что её сестру вчера ударили, и просто сказала:

— О, я вчера вечером не готовила, ела у мамы, так что ничего не приготовила. Если у тебя есть еда, приготовь и мне, пожалуйста.

Услышав это, Чжэн Хайян разозлился. Он посмотрел на мать. Чэн Баоли, стоя у раковины, вытерла руки, и на её лице промелькнула неуверенность. Она уже собиралась что-то сказать, как Чэн Баоя, подойдя к плите, сама открыла крышку кастрюли и, увидев внутри бульон, резким голосом воскликнула:

— О, ты вчера ещё и бульон сварила?

Не дожидаясь ответа Чэн Баоли, она добавила:

— Ах да, я слышала, что родители Чжэн Пина уехали в другой город? Значит, Янъяну не с кем остаться? Может, возьмёшь его с собой на фабрику? Пусть посидит в проходной, а после работы заберёшь.

Как только она это сказала, Чжэн Хайян детским голосом крикнул:

— Тётя, а где Тяньтянь?

Чэн Баоя тут же ответила:

— Конечно, с бабушкой!

Чжэн Хайян внутренне усмехнулся. Чэн Баоли, вытирая руки, явно замерла.

Чэн Баоя поняла, что проговорилась, и поспешно добавила:

— Ах, мама же на пенсии, она обычно одна дома днём, и она уже в возрасте. Одного ребёнка ей хватает, а Янъян — мальчик, мальчики ведь непоседливые, маме будет сложно.

Чэн Баоли отвернулась и промолчала. У неё был такой характер: когда она злилась, она не могла выплеснуть эмоции, а просто терпела, пока не становилось невыносимо, и тогда начинала плакать. Кричать и скандалить она не умела. Когда Чэн Баоя попросила приготовить ей обед, она на мгновение заколебалась, думая, что ссориться с сестрой из-за вчерашнего дня не стоит. Но после вопроса Янъяна о Тяньтянь ей снова стало больно.

Она всегда знала, что мама больше любит сестру. Тяньтянь с детства жила у бабушки в уезде Ланьянь, а Янъяна никогда не брали. Чэн Баоли раньше не считала, что сестра плохо к ней

относится. Она всегда думала, что у них хорошие отношения: они выросли вместе и работали на одной фабрике. Но теперь она видела, что мама слишком явно выделяет сестру, а та относится к ней с пренебрежением. Почему Тяньтянь была с бабушкой, а её Яньян должен сидеть в проходной? Лицо Чэн Баоли стало мрачным. Чжэн Хайян, выбрав момент, детским голосом спросил:

— Тётя, почему бабушка берёт Тяньтянь, а меня нет? Я ведь совсем не непослушный.

— Хе-хе, — сухо рассмеялась Чэн Баоя. — Детские слова не давали ей возможности спорить с ребёнком, но слова Чжэн Хайяна заставили её почувствовать неловкость. — Как это не непослушный? Ты же мальчик, мальчики всегда непоседливые. Помнишь, как ты разбил чашку у бабушки?

— Ну и что, что разбил чашку? Разбил чашку — значит, непослушный? А Тяньтянь не разбивала? — Чэн Баоли подхватила Чжэн Хайяна на руки и сердито ответила.

Чжэн Хайян вспомнил, как в детстве его тётя постоянно унижала его, используя как пример того, как не надо делать. Он хорошо помнил, как в начальной школе из-за одного плохо написанного сочинения она много раз упоминала об этом перед всеми родственниками, раз за разом. Его мать тогда была в ярости и сильно его отшлёпала. Теперь Чжэн Хайян понимал, что уже тогда у его матери была заложена определённая покорность, а унижения тёти под видом «воспитания» на самом деле были скрытым способом принизить его и его мать, чтобы они чувствовали себя униженными. Из-за постоянных унижений его характер становился всё более неуверенным.

Бурная реакция Чэн Баоли удивила и её саму, и Чжэн Хайяна. Мальчик, поняв, что это хороший момент, притворился, что плачет, и, находясь в объятиях матери, начал жаловаться:

— Мама, мама, почему тётя так говорит обо мне? Яньян ведь хороший, ууууууу.

Быть ребёнком тоже имело свои преимущества.

Чэн Баоя была шокирована. Раньше этот малыш, когда его ругали, просто уходил в сторону и молчал, а теперь стал таким хитрым?

Чэн Баоли, обнимая сына, успокаивала его:

— Не плачь, Яньян, не плачь. Мама тебя очень любит, не плачь.

Затем она с гневом и раздражением посмотрела на Чэн Баоя и впервые за много лет резко сказала:

— Ты что здесь делаешь? Не на работу идёшь? Ты меня просто бесишь!!

<http://bllate.org/book/16484/1497838>